

Д. А. ЕФРЕМОВ (Ижевск)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Имя прилагательное в удмуртском языкознании до сегодняшнего времени остается одной из не изученных специально частей речи. Такое положение сложилось в силу разных причин, среди которых можно выделить основные: во-первых, данная часть речи в удмуртской лингвистике рассматривалась в большинстве случаев с точки зрения русистики, что, возможно, не могло обеспечить адекватного освещения вопроса (языки типологически разные); во-вторых, имя прилагательное, по всей вероятности, считается не имеющим развитой системы грамматических категорий и уже всесторонне рассмотренным в учебниках и грамматиках по удмуртскому языку.

1. Первое упоминание об имени прилагательном содержит печатная грамматика 1775 года в разделе «О именахъ прилагательныхъ», где есть только утверждение: «Имена прилагательныя у Вотяковъ чрезъ падежи въ обѣихъ числахъ не склоняются» (Сочинения 36). Создателями грамматики, судя по всему, установлена несогласуемость прилагательного с именем существительным в числе и падеже, хотя в работе подтверждающих это положение фактов нами не обнаружено. В упомянутом разделе грамматики в общей сложности приведено 119 словоформ, среди которых есть как первичные прилагательные (*урóдь* 'худый', *секы́тъ* 'тяжелый' и др. — 52 примера), так и производные (*бурдò* 'крылатый' *вўэсь* 'водяной' и др. — 39); сюда же отнесены причастия (*висісь* 'больной' и др. — 24 примера); два местоимения (*тачè* 'такой'); числительное (*квинь мети́* 'третій') и наречие (*озікъ* 'даровый') (Сочинения 36—39).

2. В рукописной удмуртской грамматике М. Могилина (1786) (издан лишь в 1998 г.) обращено внимание на значение прилагательного, которое «изъясняетъ существительное, склоняясь съ нимъ въ обѣихъ числахъ чрезъ падежи»: *дзець чорыгэзь шетті́* 'я хорошую рыбу изловиль'; в доказательство второй части утверждения автором указана способность прилагательных склоняться лишь в том случае, когда они выступают в роли существительных, которые, в свою очередь, лишь подразумеваются: *дзецьсэ шетті́* 'хорошую изловиль' (доразумѣвается *чорыгзэ* 'рыбу') (Могилин 1786 : 53); хотя анализ

данных примеров выявляет, что автор, помимо этого, уловил возможность склонения прилагательных с выделительным аффиксом *-эз* (*-ез*), на что позже обратила внимание А. А. Поздеева (1938 : 58—59): *пызес-ез-лэсь* 'от запачканного мукой', указав при этом на их сходство со склонением существительных, снабженных притяжательными суффиксами (см. также: Перевошиков 1948 : 419—420; ГСУЯ 129 и др.). М. Могилин акцентирует внимание на том, что у прилагательного степеней сравнения не имеется, а «изображается возвышение также и превосходство чрез нарѣчія *тужь, уно, дурьстѣмь* 'очень, весьма, чрезвычайно'»: *тужь дзець* 'презрительный', *уно ятырь калыкѣзь* 'премного народу' (1786 : 54). В работе, помимо прочего, отмечается «умалительное» значение аффикса *-гемь*: *егить-гемь* 'маленек', *югыть-гемь* 'свѣтленко' (с. 54) (хотя, судя по примерам в разделе «О нарѣчій»: *ятырь-гемь* 'побольше' др. (с. 98), явно улавливается его компаративная функция), а также словообразовательная роль падежного форманта *-лесь* (< *-лэнь*, род. падеж существительного): *пулѣсь* 'деревянный' (с. 60).

З. Ф. Й. Видеман в удмуртской грамматике (Wiedemann 1851) впервые приводит степени сравнения имени прилагательного, отмечая при этом возможность факультативного использования (применение / неприменение) компаративных суффиксов *-ges* и *-gem* в конструкции сравнительной степени, когда предмет, с которым что-то сравнивается, стоит в аблативе: *ti dunogem džorgyljosleš* 'вы милее (букв. дороже), чем воробы'; *tajosleš zök* 'больше, чем эти'. Ученый также подметил, что предмет сравнения в предложении может быть и не назван, а только подразумеваться *kin badžimges in duńein* 'кто побольше в мире' (Wiedemann 1851 : 61). В его грамматике коми языка (Wiedemann 1884) отмечена возможность присоединения компаративного форманта к прилагательным с выделительным (по словам автора, лично-притяжательным) суффиксом: *ašakyezges* 'тот, что похуже', а также употребления с наречиями (*kidokeges* 'далее') и глагольными формами: *koškysagem* 'чуть отойдя' (Wiedemann 1884 : 139). В дальнейшем этого вопроса касался также Т. Г. Аминофф, зафиксировавший способность компаративного суффикса (и его вариантов) *-ges (-kes)*, *-gem (-kem)* употребляться с косвенными формами существительных, что по его мнению, указывает на относительно позднее возникновение сравнительной степени в удмуртском языке (правда, в качестве примера фигурирует наречие: *kid'okyngeš* 'дальше') (Aminoff 1896 : 22, 29). Данную проблему рассматривали еще Т. И. Тепляшина и С. К. Бушмакин (1965), показавшие на диалектном материале способность морфемы *-гес (-гем)* присоединяться почти ко всем знаменательным частям речи, выполняя при этом не только компаративную, но и модеративную (неполноты качества, признака) и другие функции, например, к прилагательным: *jumalgem* 'пресноватый'; к существительным: *džegges milam kižo* 'больше всего у нас (здесь) сеют рожь'; к местоимениям: *miges* 'в большей степени мы'; к наречиям: *tatieges* 'поближе сюда'; к послелогам: *mon vjlamges* 'в основном на мне', к глагольным формам: *tupaniges* 'в основном подходить', *ugges tirmi* 'не очень хватает', в том числе к причастиям (*zul'išgem* 'немного болтливый') и деепричастиям (*dištjitegges* 'с некоторой нерешительностью') (Тепляшина 1964).

4. Превосходную степень Ф. Й. Видеман делит на «абсолютный» и «относительный» суперлатив, которые образуются путем присоеди-

ния к положительной форме прилагательного следующих слов: *tush* 'очень' (*tush jun* 'очень сильный'), *tschapak* 'как раз' (*tschapak pōš* 'как раз горячий'), *samoj* (< рус.) 'самый' (*samoj nyrys* 'самый первый') и *ukata* 'еще' (*ukata džec* 'еще лучше'), *makem* 'как, насколько' (*makem vylyti* 'как высок'), *ukyr* 'слишком, чрезмерно' (*ukyr badzim* 'слишком большой'), *keña* 'как, насколько' (*keña ceber* 'как красив') соответственно (Wiedemann 1851 : 62). В разделе «Словообразование» перечисляются аффиксы, при помощи которых образуются новые прилагательные от существительных: *-o* (*sinmo* 'глазастый', вариант *-jo* приведен автором позднее — *jarajo* 'с раной, раненый' (Wiedemann 1884 : 53)); *-tem*, придающий негативное значение (*sintem* 'слепой (букв. безглазый)'; *-yt schunyt* 'теплый'); *-es*: *ceřes* 'болезненный' (Wiedemann 1851 : 260—262), хотя здесь, судя по примеру, присутствует суффикс *-eš*, отображенный в его коми грамматике (*luoeš* 'песчаный') и отграниченный от вышеназванного *-es*: *kotyres* 'круглый' (Wiedemann 1884 : 61—62). Т. Г. Аминофф наряду с данными аффиксами приводит еще два: *-jem* (*kwamyn-kurojem* букв. '30-соломенный') и *-eti* (*šoreti* 'средний') (Aminoff 1896 : 22—23). Тему исследовал также К. Медвецки, отметивший среди прочих редко употребительный, по его мнению, суффикс *-iš*: *iňmiš* 'небесный (букв. с неба)' (Medveczky 1912 : 454). В историческом ракурсе словообразование прилагательных рассматривали, например, Т. Лехтисало, который выявил прауральское происхождение ряда элементов: **-j* в суффиксах *-jo* (*gižlojo* 'исцарапанный') и *-jem* (*gižijem* 'с ногтями, когтистый'), **-s* в аффиксе *-(e)š* (*izeš* 'каменистый') и **-t* в *-jt*: *kurjt* 'горький'; по его мнению, праур. **-p* перешел в удм. *-o*: *gono* 'волосатый'. При этом Т. Лехтисало отмечает, что судя по примерам, к этому суффиксу должен присоединяться еще элемент **-j*: *kapči-ki-jo murt* 'легкий на руку человек' (Lehtisalo 1936 : 59, 196—197, 270—272, 244—247); исходя из этого, можно констатировать, что удм. *-o* (*-jo*) < праур. **-j* + праур. **-p*. Т. Лехтисало выделяет и аффикс *-la*, с помощью которого образованы прилагательные от наречий (*kemala* 'давний'), элемент *-l* в этом аффиксе он возводит к праур. **-l* (Lehtisalo 1936 : 152—154). М. Кёвешти наряду с приведенным рассматривает такие аффиксы, как *-jt*: *jugjt* 'светлый' (элемент *-t* в котором, по ее мнению, произошел от ф.-у. (ур.) **-nt*) (Kövesi 1965 : 74—81); *-es* (*vamenes* 'упрямый'), где *-s* < ф.-у. **-s* (?**-ks*); *-tem* (*ńimtem* 'безымянный'), в котором *-t* возводится к ур. **-tt* (Kövesi 1965 : 293—303, 370—374). В отличие от Т. Лехтисало, который приписывает словообразовательному форманту *-o* прауральское происхождение, она полагает, что удм. *-o* восходит к ф.-у. **-p* (?**-k*): *zoro* 'дождливый' (Kövesi 1965 : 39, 47).

5. Ф. Й. Видеманном, кроме прочего, зафиксирован еще показатель множественного числа имен прилагательных в номинативе, когда они выполняют роль предиката: *wit'ež wal wižmoes* 'пятеро были умными', а также употребление послелога *šörys* 'о, про, по сравнению с...' наряду с аблативной формой существительного (местоимения) при образовании сравнительной степени прилагательного: *kaptsigem ti šörys* 'легче по сравнению с вами' (Wiedemann 1851 : 41; 1884 : 140). В удмуртском языке, как и в коми, по словам автора, в отдельных ситуациях нет резкого разграничения между частями речи, например, в сочетании двух существительных препозитивный компонент является

определением и поэтому выполняет роль прилагательного: *lud mush* 'полевая пчела (букв. поле пчела)'; слово *schoner* может быть и прилагательным 'прямой, правильный', и наречием 'правильно' (Wiedemann 1851 : 257, 218). Это положение позже отмечалось многими языковедами: П. П. Глезденевым (1921 : 5, 23), показавшим зависимость «взаимоперехода» существительных и прилагательных от позиции в предложении: *из корка* 'каменный дом', *корка из* 'камень, предназначенный на дом, или камень из-под дома' и другими (Емельянов 1927 : 85; Главатских 1933 : 88; и т.д.).

6. На несогласуемость имени прилагательного с существительным при склонении первым указал Т. Г. Аминофф: *vil' korka* 'новый дом' — инессив *vil' korkan* 'в новом доме' (Aminoff 1896 : 29); данное обстоятельство засвидетельствовал и П. П. Глезденев (1921 : 26), при этом он отметил возможность склонения прилагательных лишь «когда они стоят совершенно отдельно-самостоятельно», и аргументировал отсутствие доказательств тем, что достаточно примеров из раздела «Имена существительные», так как по его мнению, в этих случаях прилагательные от существительных ничем не отличаются и могут принимать притяжательные суффиксы и «прочие частички». И. В. Яковлев (1930 : 26), кроме того, выявил способность прилагательных не только изменяться по падежам и числам (*шудо* 'счастливый' — *шудоослы* 'счастливым') и принимать притяжательные аффиксы (*быдзьым-мы* 'наш великий'), но и присоединять послелогои (*югыт понна* 'ради светлого') (см. также Бабинцев, Тронин, Чирков 1932 : 28; Скобелев, Пономарев 1934 : 84; Вахрушева 1937 : 46—47; и др.).

7. Интересно, что К. Медвецки относит формант *-aläs* к редко употребляемым словообразовательным аффиксам: *gordaläs* 'красноватый' (Medveczky 1912 : 454), хотя, судя по переводу венг. *vöröses* 'красноватый, рыжеватый', автор явно почувствовал уменьшительную функцию данного суффикса. На это позднее обратил внимание Г. Е. Верещагин в учебнике, который издал под псевдонимом Удморт, показавший возможность прилагательного присоединять один из уменьшительных аффиксов *-алэс*, когда «предмету придается признак ниже положительной степени»: *горд-алэс* 'красноватый' (Удморт 1924 : 48) (правда, данное явление автор отнес к степеням сравнения). Этому позднее вкратце касались А. В. Вахрушева (1937 : 47), отметившая наряду с *-алэс* другой суффикс неполноты качества прилагательных цветообозначения (буйзэ возьматйсь) *-мыт*: *чужмыт* 'желтоватый'; П. Н. Перевощиков (1956 : 1306), указавший возможность морфемы *-алэс* присоединяться к прилагательным, обозначающим не только цветовые признаки (*лызалэс* 'синеватый'), но также и вкусовые свойства (*чырсалэс* 'кисловатый'); Т. И. Тепляшина (1964 : 139), которая уловила многофункциональность форманта сравнительной степени удмуртского языка *-гес* (*-гем*), выражающуюся в способности «обозначать степень качества вне всякого сравнения»: *горд-гем бубожка* 'красноватый ситец'; В. К. Кельмаков (1972), выделивший аффикс недостаточности признака *-пыр(ъем)*, также обозначающий «тонкие оттенки цветовых признаков или вкусовых качеств предметов»: *вожпыр-лыз* 'зеленовато-синий', *курытпыр-ческыт* 'горьковато-сладкий'; И. В. Тараканов (1996б; 1996а), который привел еще один модеративный суффикс: *-кысьем* (*сьёд-*

кысьем 'темноватый'), и отразил более широкое употребление форм на *-алэс* (*-ялэс*) (по сравнению с другими упомянутыми подобными аффиксами), так как они могут дополнительно выражать «...объектно-пространственную ограниченность признаков прилагательных, обозначающих меры длины и ширины»: *сюбегалэс* 'узенький, узковатый'. В основном исследователи относят данные суффиксы к словообразовательным, и лишь некоторые (Алатырев 1983 : 573; Ке́рмаков, Saarinen 1994 : 111; Тараканов 1996а; 1996б; Кельмаков 1998 : 130–133) в относительно недавнее время стали выявлять формообразовательную функцию приведенных аффиксов.

8. Главная заслуга П. П. Глезденева (1921 : 23—26), на наш взгляд, заключается в том, что он первым дал определение удмуртским именам прилагательным, назвав их коротко «словами, называющими качество и свойство»; от него же, возможно, пошло подразделение их языковедами на качественные («собственно-коренные»: *тöдды* 'белый') и относительные (когда существительное стоит в препозитиве к другому: *пу корка* 'деревянный дом'). Следует отметить выделение автором положительной степени сравнения как «прилагательного в своей обычной форме» и еще одного способа образования суперлатива: при помощи «частички *-лэсь* (*но*): *чеберлэсь* (*но*) *чебер* 'красивее красивого'». В последующем были названы и другие т. н. случаи образования превосходной степени, в частности, повторение основ прилагательного: *сьöд-сьöд* 'черный-пречерный' (Яковлев 1930 : 29), присоединение «усилительных слов типа: ...*юг-юг*, *тём-тём*, *чыж-чыж*, *чиль-чиль*, *быг-быг* 'очень, весьма'»: *юг-юг тöдды* 'очень белый', *чиль-чиль сьöд* 'очень черный' и др. (при этом употребление данных слов авторами научной грамматики отмечено только «с прилагательными определенной семантики, но не со всеми качественными прилагательными»), а также сочетание прилагательного в положительной степени с местоимениями: *ваньмыз* 'все', *котьмар* 'хоть что, всё', *котькудйз* 'хоть который, любой' и др. в аблативе: *ваньмызлэсь выль* 'самый новый', *котьмарлэсь дуно* 'дороже всего, самый дорогой', *котькудйзлэсь жужыт* 'выше любого, самый высокий' (ГСУЯ 139).

9. В грамматике А. И. Емельянова (1927 : 116) сделана попытка дать определение сравнительной степени: «имя, с которым сравниваемое имеет разницу в степени величины положительной или отрицательной, принимает форму *ablativ-a...*»; что было, по всей вероятности, принято большинством языковедов и выражено как «сравнительной формаен прилагательной, возматэ одйг предметлэн, мукетызлэн сярэсь кыче ке качествез, тростгес яке ичигес луэмез» (Поздеева 1949 : 107), или «сравнительная степень обозначает большую или меньшую степень проявления признака одного предмета по сравнению с другим» (Ушаков 1982 : 64; см. также: Вахрушева 1937 : 46; ГСУЯ 139; Захаров 1973 : 104; УК 71 и др.); некоторые дают иное определение сравнительным формам, как усиливающим (но никак не уменьшающим) признак предмета, которое, на наш взгляд, ближе к истине (Бабинцев, Тронин, Чирков 1932 : 29; Скобелев, Пономарев 1934 : 84; Перовщиков 1948 : 420; 1956 : 1308; Серебренников 1963 : 162).

10. Впервые определение превосходной степени зафиксировано в статье А. В. Вахрушевой (1937 : 46): «куиньметй степень — макенимлэн

тодмосэз яке туж трос, яке туж ичи луэ» (третья степень — признак предмета может быть либо в очень большой, либо в очень малой мере). В последующем появились определения типа: «превосходная степень обозначает самую большую или самую меньшую степень качества предмета по сравнению с подобными качествами других предметов» (ГСУЯ 139) (см. также УК 71; Ушаков 1982 : 65 и др.). Все же лишь иногда встречается иное определение суперлатива как означающего превосходство данного предмета над рядом других в отношении степени называемого качества (Ефремов 1999), по мнению автора данной статьи, более правильное.

11. Наличие в удмуртском языке высшей степени качества имени прилагательного было зафиксировано Б. А. Серебренниковым (1963 : 164), который верно, по нашему мнению, отнес к этой категории т. н. формы образования суперлатива, например: редупликацию основ прилагательного (*šöd-šöd* 'черный-черный') и присоединение наречий типа *tuž* 'очень': *tuž šöd* 'очень черный'. В дальнейшем Г. А. Ушаков (1990 : 172—173) выявил грамматическую категорию степеней качества, заключающую в себе семантику «неполноты проявления качества» (*лызпыр* 'синеватый') и «наивысшей степени проявления качества» (*юг-юг тӧдды* 'очень белый'); правда, он противоречит себе в другой статье (Ушаков 1996 : 226), замечая, что слова типа *горд* 'красный' и *гордыт-гордалэс* 'красноватый' являются разными самостоятельными лексемами и здесь «никакого категориального значения нет». На основе анализа удмуртских диалектов В. К. Кельмаков выделяет категорию степеней качества, отграничивая ее от степеней сравнения, состоящую из трех степеней: 1) нормальное (позитивное) качество: *kužyt* 'соленый'; 2) неполнота качества, ослабленная его степень, выражающаяся посредством аффиксов *-мыт*, *-алэс*, *-пыр(ъем)*: *гордыт* 'красноватый', *кузыталэс* 'солонуватый', *лызпыр* 'синеватый'; 3) высшая степень качества, которая образуется путем редупликации основ прилагательного (*горд-горд* 'красный-красный') и с помощью усилительных слов *туж капчи* 'очень легкий', *укър чэбэр* 'слишком красивый' (Кельмаков, Saarinen 1994 : 109—114; см. также Тараканов 1996а; 1996б; Кельмаков 1998 : 130—133).

12. На данном этапе развития удмуртской лингвистики сделано немало важных шагов в рассмотрении грамматических категорий прилагательного (в частности, выявление категории степеней качества, отказ от общепринятого мнения о наличии в удмуртском языке качественных и относительных прилагательных (Ушаков 1984 : 14—16 и др.)), но все же большинство вопросов остаются неисследованными вплоть до настоящего времени, к примеру, отсутствие в некоторых случаях четких границ между прилагательным, существительным и наречием, замеченное еще составителями первых грамматик (Wiedemann 1851 : 218), но остающееся проблемным моментом для многих нынешних исследователей (см. ГСУЯ 133—134; Ушаков 1984 : 16—17 и др.).

Сокращения

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; Сочинения — Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго

языка, Санктпетербург 1775; УЖ — Удмурт кыл 5—6 классъёслы. Огъя ред. Г. Н. Никольскаялэн, Ижевск 1978.

ЛИТЕРАТУРА

- А л а т ы р е в В. И. 1983, Краткий грамматический очерк удмуртского языка. — Удмуртско-русский словарь, Москва, 561—591.
- Б а б и н ц е в А. С., Т р о н и н, Г. Г., Ч и р к о в К. И. 1932, Удмурт кыллы дышетскон книга, Иж-кар.
- Б у ш м а к и н С. К. 1965, Способы выражения степеней сравнения прилагательных в средне-восточных говорах удмуртского языка. — Всесоюзная конференция финно-угроведов. Тезисы докладов и сообщений, Сыктывкар, 23—25.
- В а х р у ш е в а А. В. 1937, Тодмосним сярысь. — Удмурт кыл ужпумъёс сярысь материалъёс. Удмурт республикаась нырысетй кыл конференция азель, Ижевск, 43—47.
- Г л а в а т с к и х А. И. 1933, Удмурт грамматика. Нырысетй люкет. Морфология, Иж-кар.
- Г л е з д е н е в П. П. 1920, Краткая грамматика языка народа удмурт, Вятка.
- Е м е л ь я н о в А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Е ф р е м о в Д. А. 1999, О способах выражения превосходной степени в современном удмуртском языке. — Пермистика 7, Сыктывкар (Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сборник статей), 72—79.
- З а х а р о в В. Н. 1973, Имя прилагательное в русском и удмуртском языках. — Вопросы удмуртского языкознания. Сборник статей и материалов. Вып. 2, Ижевск, 103—110.
- К е л ь м а к о в В. К. 1972, Прилагательные с суффиксом *-пыр* в удмуртском языке и их правописание. — Вопросы теории и методики русского и удмуртского языков, Ижевск, 163—171.
- 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск.
- М о г и л и н М. 1998, Краткой отяцкия Грамматика опыт. — Опыт краткой удмуртской грамматики, Ижевск (Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН).
- П е р е в о щ и к о в П. Н. 1948, Краткий очерк грамматики удмуртского языка. Синтаксис, лексика, морфология. — Удмуртско-русский словарь, Москва, 369—446.
- 1956, Краткий очерк грамматики удмуртского языка. — Русско-удмуртский словарь, Москва, 1271—1360.
- П о з д е в а А. А. 1938, Удмурт грамматика. 1-тй люкет. Фонетика но морфология, Ижевск.
- 1949, Удмурт кыл грамматика. 1-тй люкет. Фонетика но морфология, Ижевск.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- С к о б е л е в Н. А., П о н о м а р е в Ф. Ф. 1934, Удмурт кыл. Ёжыт гоштэт тодйсьёслэн школаоссылы грамматикалы но шонер гождьяськыны дышетскон книга, Иж-кар.
- Т а р а к а н о в И. В. 1996а, Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках. — SIFU VIII, Pars III, 220—223.
- 1996б, Удмурт кылын прилагательной тодметлэсь макем луэмзэ возьматйсь категория. — Вордскем кыл, № 4, 67—71.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1964, О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград, 136—145.
- У д м о р т 1924, Руководство к изучению вотского языка, Ижевск.
- У ш а к о в Г. А. 1982, Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков, Ижевск.
- 1984, Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного. — Вопросы грамматики удмуртского языка, Ижевск, 5—17.

- 1990, Синтетические способы выражения компаративных отношений в современных пермских языках. — CIFU VII, Pars III, 170—174.
- 1996, Грамматические категории удмуртского языка. — CIFU VIII, Pars III, 224—227.
- Яковлев И. В. 1930, Удмурт кылрад'ян. Элементарная грамматика вотского языка, Ижевск.
- Aminoff, T. G. 1896, Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. — JSFOu 2 (XIV), 1—48.
- Keĭmakov, V., Saarinen, S. 1994, Udmurtin murteet, Turku—Iževsk.
- Kövesi, M. 1965, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
- Medveszky, K. 1912, A votják nyelv szóképzése. Második közlemény. — NyK 41, 413—455.
- Wiedemann F. J. 1851, Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche, Reval.
- 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

D. A. JEFREMOV (Iževsk)

ZUR GESCHICHTE DER ERFORSCHUNG DER UDMURTISCHEN ADJEKTIVE

Die Kategorie des Adjektivs wurde zum ersten Mal in der Grammatik von 1775 erwähnt (Сочинения 36). Einen bedeutenden Beitrag zur Erforschung des udmurtischen Adjektivs leistete F. J. Wiedemann (1851; 1884), der nicht nur bezüglich des Komparativs und Superlativs bzw. ihrer Bildung, sondern auch bezüglich einiger Derivationsaffixe, der pluralischen Prädikativform des Adjektivs sowie des Fehlens klarer Grenzen zwischen einigen Wortarten wichtige Aufklärungsarbeit leistete. In der Folgezeit sind eine Reihe von Arbeiten dem Thema "Adjektiv" gewidmet (Бахрушева 1937; Тепляшина 1964; usw.); in diesen finden einige interessante Gedanken Ausdruck. Das Thema wird auch in verschiedenem Umfang in der Mehrheit der udmurtischen Lehrbücher und Grammatiken behandelt (Поздеева 1938; 1949; ГСУЯ 1962; usw.). Zum augenblicklichen Entwicklungsstand der udmurtischen Linguistik sind eine Reihe von wichtigen Schritten unternommen worden (z. B. die Herausstellung der Kategorie "qualitativer Grad" (Keĭmakov, Saarinen 1994 : 111—114; usw.) sowie die Widerlegung der Meinung, dass es im Udmurtischen Qualitativ- und Relativadjektive gebe (Ушаков 1984 : 14—16)). Jedoch bleibt noch eine Anzahl ungelöster Fragen, die detailliertere und vielseitigere Forschungen erfordert.